

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На взморье предполагалось провести неделю, но у обоих к отдыху не лежала душа, и они решили вернуться раньше. Мэйкон рулил. Сара сидела рядом, привалившись к окну. Сквозь ее спутанные каштановые пряди проглядывали кусочки хмурого неба.

Мэйкон был в своем дорожном летнем костюме, в котором, считал он, путешествовать гораздо разумнее, нежели в джинсах. Джинсы жесткие, у них эти грубые швы и заклепки. На Саре было махровое пляжное платье без бретелек. Казалось, супруги возвращаются из двух совершенно разных поездок. Сара загорела, Мэйкон — ничуть. Рослый, бледный, сероглазый, прямые светлые волосы коротко стрижены, он был из тех, кто обгорает мгновенно. И с полудня всегда прятался от солнца.

Едва выехали на разделенную отбойником автостраду, как небо почернело и крупные капли испянтнали ветровое стекло. Сара выпрямилась.

— Хоть бы не полило, — сказала она.

— Короткий дождь не помешает, — ответил Мэйкон.

Сара откинулась на сиденье, не отрывая глаз от дороги.

Утро, четверг. Машин было немного. Обогнали грузовой пикап, потом фургон, весь обклеенный зазывными афишами. Капли на ветровом стекле сливались в струйки. Мэйкон включил дворники. Убаюкивающе шуршали щетки, тихонько барабанило по крыше. Временами задувал ветер. Дождем прибило высокую блеклую траву на обочинах. Косые струи лупили по лодочным причалам, дровяным складам и магазинам «Мебель со скидкой», уже успевшим потемнеть от влаги.

— Тебе видно хорошо? — спросила Сара.

— Вполне, — сказал Мэйкон. — Это пустяки.

Они догнали грузовик, с задних колес которого веером летели брызги. Мэйкон принял влево и обошел его. На мгновенье их накрыло водяной пеленой, грузовик остался позади. Одной рукой Сара ухватила за приборную панель.

— Не понимаю, как ты видишь дорогу.

— А ты надень очки.

— Это улучшит твой обзор?

— Нет, твой, — ответил Мэйкон. — Ты вперилась в стекло и не различаешь дорогу.

Сара не выпускала панель. Широкое гладкое лицо ее излучало покой, но, приглядевшись, вы бы заметили напряженность, затаившуюся в уголках глаз.

Машина стала их домиком. От дыхания стекла запотели. Кондиционер уже не работал, но еще чувствовались остатки искусственной прохлады, быстро превращавшейся в сырость, отдававшую плесенью. Проскочили под эстакадой. На пугающе бесшумную секунду дождь прекратился. Не успела Сара облегченно выдохнуть, как по крыше вновь забарабанило. Сара обернулась и тоскливо посмотрела на эстакаду. Мэйкон гнал вперед, руки его расслабленно лежали на руле.

— Ты заметил парня с мотоциклом? — спросила Сара. Сквозь неумолчный равномерный рокот, окутывавший их, говорить приходилось громко.

— Какого парня?

— Он стоял под эстакадой.

— В такую погоду мотоцикл — это безумие, — сказал Мэйкон. — Да и в любую другую тоже. Ты уязвим для стихии.

— И мы могли бы там переждать.

— Сара, если б я почуял хоть малейшую опасность, я бы давно остановился.

— В этом я, знаешь ли, не уверена, — откликнулась Сара.

Они миновали поле, на котором дождь, ливший уже стеной, повалил кукурузные стебли и затопил межрядья. Водяные залпы бились о ветровое стекло. Мэйкон переключил дворники на максимально быстрый режим.

— Похоже, тебе безразлично, — сказала Сара. — Ей-богу.

— Безразлично? — переспросил Мэйкон.

— На днях я тебе сказала: Мэйкон, сказала я, после смерти Итана мне иногда кажется, что жизнь бессмысленна. Помнишь, что ты ответил?

— Сразу не вспомню.

— «Милая, — сказал ты, — если честно, я никогда не видел в ней особого смысла вообще». Вот твои точные слова.

— Хм...

— Ты даже не понимаешь, что в них плохого.

— Наверное, нет.

Миновали ряд автомобилей, припаркованных на обочине, — затененные окна, на сверкающих капотах пляшут дождевые фонтанчики. Одна машина слегка

накренилась, словно вот-вот свалится в кювет, где бурлил мутный поток. Мэйкон не сбавлял скорость.

— Неважный из тебя утешитель, — сказала Сара.

— Я стараюсь как могу, милая.

— Ты живешь своей прежней жизнью. День за днем по заведенному распорядку, по унылым привычкам. Никакого утешения.

— По-твоему, мне оно не требуется? — спросил Мэйкон. — Ты не единственная, Сара. Не понимаю, почему ты считаешь это своей единоличной утратой.

— Порой так оно и выходит.

Они помолчали. Волны из лужи, озером разлившейся посреди шоссе, ударили в автомобильное брюхо, машину повело вправо. Мэйкон тормознул и вновь дал газу.

— Вот, к примеру, этот дождь, — сказала Сара. — Ты же видишь, я нервничаю. Чего стоило бы переждать? Этим ты бы выказал заботу. Дал понять, что в горе мы вместе.

Мэйкон вглядывался сквозь ветровое стекло, под струями казавшееся мраморным.

— У меня своя система, Сара, — ответил он. — Ты же знаешь, я вожу по системе.

— Ох уж эти твои системы!

— И потом, если жизнь тебе кажется бессмысленной, чего уж нервничать из-за ливня.

Сара съезжилась на сиденье.

— Ты только глянь! — воскликнул Мэйкон. — Фургон вообще смыло на другой конец стоянки.

— Я хочу развод, — сказала Сара.

— Что? — Мэйкон затормозил и уставился на жену. Машина вильнула. Мэйкон перевел взгляд на шоссе. — Что я такого сказал? Что не так?

— Просто я больше не могу с тобой жить.

Мэйкон смотрел на дорогу, однако нос его заострился и побелел, словно кожа на лице туго натянулась. Мэйкон прокашлялся.

— Милая. Послушай. У нас был трудный год. Тяжелое время. Такое часто бывает с теми, кто потерял ребенка. Все это говорят. Все говорят, это ужасное испытание для брака...

— Как только вернемся, я подыщу себе жилье, — перебила Сара.

— «Себе жилье», — эхом повторил Мэйкон, но так тихо, что за шумом дождя казалось, будто он беззвучно пошевелил губами. — Что ж. Ладно. Если ты и впрямь этого хочешь.

— Можешь забрать дом, — сказала Сара. — Ты же ненавидишь переезды.

Почему-то именно это ее доконало. Она резко отвернулась. Мэйкон включил правый поворотник. Заехал на заправку «Тексако», встал под навесом и выключил мотор. Потом начал растирать себе колени. Сара вжалась в угол. Только стук дождя по высокому навесу нарушал тишину.